

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Л. С. Бекирова, ассистент кафедры философии СГУ

На рубеже двух тысячелетий современный мир оказался в трагической ситуации, которую многие западные и отечественные философы называют “антропологической катастрофой”. Эта катастрофа, связанная с кризисом личности, разрушением многовековых духовных ориентаций, засилием “массовой культуры” (которую обоснованно можно назвать “массовой халтурой”) – оказывается при анализе куда более глубинной и трагичной, чем те экологические катаклизмы, видениями которых ошеломило мир движение “зеленых” в шестидесятые годы. Более того, становится очевидным, что ситуация с окружающей природой – лишь симптомы болезни, в конечном итоге способной завершиться не только деструкцией природы, окружающей человечество, но и экспоненциально возрастающей по интенсивности деструкцией самого человека как уникального биологического вида.

Размышляя об этом, академик С. Б. Крымский пишет: “Нарушение равновесия между природой и развитием общества, разрыв между социально значимым и социально сущим, трансформация бытия из высшего дара в средство, в технический мир инструментальной активности – предельно драматизировали проблему места человека в Универсуме, его способности быть причиной изменений в предметном мире ...

...Под ударами тоталитаризма оказались в XX веке не только человеческая жизнь, но и смерть. Последняя была выведена за пределы смысла, ценностного испытания и превращена в орудие геноцида, массового террора, стихию обезличенного уничтожения ойкумены жизни и культуры” [1, с. 23].

Человек готов покаяться перед природой за невольные и необдуманно сотворенные зло, но природа не реагирует на покаяния. Остается прибегнуть к разуму – инструменту, который хотя и является одним из поводырей, не раз приводивших человечество к тупику, но и одновременно – мощнейшим (наряду с духовностью и аксиологической ориентацией) – полководцем, способным из этого тупика вывести.

Вопросы, которые стали актуальными для человечества перед реальной возможностью “антропологической катастрофы” можно сгруппировать вокруг двух стержневых проблем:

- почему это произошло?
- почему это не произошло раньше?

На мой взгляд, особенно интересен второй вопрос. Со времен изгнания Адама и Евы из рая люди оказывались в ситуации, когда казалось, что все потеряно. Мифологические и реальные потопа, мировые эпидемии (вспомним хотя бы чуму в Европе 14 века, когда умер каждый третий житель), бесконечные войны... Но что-то удержало в прошлом человечество от последнего шага. Какой инструмент сохранения позитивного начала, противостояния деструктивным процессам действовал прежде и перестает действовать сейчас?

Не претендуя на полноту ответа на этот чрезвычайно серьезный и требующий специального исследования вопрос, я бы хотела обратить внимание на одну из неперенных граней человеческого общежития в прошлом – на традиции.

История цивилизации свидетельствует в пользу устойчивых архетипов бытия, которые закрепляются волей и усилием наиболее разумной части рода, нации, народа и непременно содержат в сердцевине некую духовную эстафету, нравственные принципы и общечеловеческую (т. е. видовую!) мудрость.

Роль традиций в жизни современного (начиная с XVIII века) общества сводится “на нет”. В итоге не только прерывается естественная связь поколений, но и становится произвольным (зависящим от очень богатых людей, средств массовой информации и т. п.) выбор той информации, тех сведений и знаний, которые передаются следующей популяции. В результате возрастает вероятность того, что биологи назвали бы “воспроизведением наследственного

генетического порока”: человек, воспитанный на псевдоценностях и псевдокультуре и получивший, в силу тех или иных случайных обстоятельств, доступ на СМИ – дублирует себя во вкусах молодых фанатов, своих духовных наследников.

Между тем традиции на протяжении длительного исторического времени – это не только способ передачи, но и проверки жизненно важной информации, фильтрации ее от всего случайного, поверхностного, сиюминутного или вредного.

Национальные традиции оказываются, по моему убеждению, просто необходимыми именно в эпоху ускорения научно-технического прогресса и темпа жизни вообще. Приходится согласиться, что “... часто современные контексты прочтения постулатов ментальности актуализируют старые истинные образы, делают их более адекватными современной истории” [1, с. 23].

– Но ведь традиция традиции рознь, – воскликнет искушенный читатель, – например, на островах Новой Гвинеи до сих пор кое-где сохраняется традиция каннибализма, причем корнями она уходит в глубину столетий.

Да, действительно, целый ряд традиций, служа укреплению мощи или агрессивности данного сообщества, отнюдь не служили во благо другим сообществам, и тем более не содержали в своей сердцевине некую “общечеловеческую значимость”. Кстати, очень многие из них либо уже исчезли, либо исчезают постепенно. Больше того, нередко можно столкнуться (и в литературе, и в общественной жизни) с мнением, что обряды, ритуальное поведение, строгие общинные правила – характерная черта неразвитых, первобытных социальных объединений. Я же убеждена, что, рассуждая так, мы “вместе с водой выплескиваем из ванночки и ребенка” и в XXI веке роль тех традиций, которые имеют духовное, гуманистическое содержание, либо заново откроют, либо возродят. А то, что можно назвать “традиционным образом жизни”, заявило о своем значении уже сегодня.

Так, во второй половине XX века Япония, Сингапур, Южная Корея и некоторые другие страны пережили резкий скачок в развитии экономики и промышленности, получивший название “экономического чуда”.

Многочисленные исследователи различных сторон “экономического чуда” говорят о личности руководителя, о тирании и демократии, трудолюбии или активности, но все это, видимо, частности. Представляется, что главный стержень “экономического чуда”, его внутренний двигатель – соединение достижений современной науки и патриархальных нравственных установок, образа жизни, связанного с сохранением лучших человеческих качеств, т. е. всего того, что принято называть народными традициями.

Парадоксально, но, тем не менее, факт, что “экономическое чудо” прежде всего переживают страны, где обыденные взаимоотношения людей носят устойчивый характер.

Оказывается, в XX веке экономический скачок к технократическому обществу легче совершить – в определенном интервале рассмотрения – из патриархального, по существу феодального комплекса социальных отношений.

Марксизм утверждал, исходя из теории общественно-экономической формации, что “скачок” через ступеньку невозможен или, по крайней мере, чрезвычайно сложен.

Но, как же тогда объяснить, что за два десятилетия Южная Корея, например (а не какая-либо экономически мощная страна) трансформирует свое хозяйство в современное высокоразвитое, индустриальное, технологически емкое производство (при том, что еще в середине нашего столетия это была аграрная страна с крайне примитивной системой земледелия).

Возникает соблазн понять данную ситуацию, пользуясь идеей Л. Гумилева о пассионарном взрыве: дело в том, что народ, на протяжении тысячелетий копивший свою жизненную энергию, оказался способен, при необходимости, реализовать ее в технократическом скачке.

Но тогда естественен вопрос: почему же не происходит подобное в странах “черной Африки”?

В поисках объяснения истоков “чуда” остановимся более подробно на истории скачка в экономике Южной Кореи.

В 1960 году валовой национальный доход на душу населения здесь составлял 81 доллар США, в то время как в СССР – 800, а в США 2000 долларов [2].

Но вот происходит то, что склонные к образному мышлению корейцы называют “пробуждением дракона”.

В 1991 году Южная Корея стала третьим, после Японии и Тайваня, поставщиком продукции электроники в США. Валовой доход на душу населения составил уже около 5000 долларов США.

Аграрное традиционное общество превращается в городское индустриальное за считанные десятилетия, в отличие от Европы, где процесс растянулся на века. При этом, как отмечает А. Ланьков, вестернизация и стремительное экономическое развитие последних десятилетий не изменило сознание корейского горожанина, его системы ценностей и представлений о мире.

Следовательно, никакого радикального изменения в менталитете народа, в его мироощущении, осознании своего исторического предназначения, всего того, что Л. Гумилев связывает со “скачком пассионарности”, не произошло. Народ, за два десятилетия перешедший от феодального производства к суперсовременному, в своей сути, в своей самости остался прежним. Где же искать иной вариант ответа? [3].

Этот вариант очень популярен: причина “экономического чуда” в конфуцианстве.

Действительно, страны, совершившие резкие изменения в своей экономике в последние десятилетия или осуществляющие его сейчас – Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Южный Вьетнам – все эти страны конфуцианской ориентации.

Конфуцианство, как этическое направление, выстраивает достаточно непривычную для европейцев систему жизненных ценностей, отдавая предпочтение социальному признанию, почету, а не материальным благам; интеллигентности как важнейшей характеристики личности.

Для конфуцианского сознания характерен культ высшего образования, а наличие университетского диплома является, практически, необходимым условием карьеры мужчин и удачного брака для женщин.

Идеалом конфуцианства была и остается меритократия – “власть лучших”. Проявлением этого идеала является экзаменационная система (просуществовавшая в Корее около тысячелетия, а в Китае вдвое дольше). Каждый может сделать карьеру, пройдя благополучно на пути к ней множество экзаменационных испытаний.

В старину в честь тех, кому удавалось удачно сдать экзамены, на их родине устанавливались стелы. Теперь по окончании экзаменов вывешиваются огромные плакаты с именами успешно их сдавших.

Еще одной чертой конфуцианского мировосприятия является престиж труда, культ трудолюбия. И сегодня в Южной Корее самая продолжительная в мире рабочая неделя – 54,4 часа в среднем. На большинстве предприятий в Сеуле 11 часовая рабочая неделя при двух выходных в месяц.

И, наконец, конфуцианство поддерживает устойчивость социальной структуры, представление о том, что семья, общество, государство образуют строго иерархизированную пирамиду, в которой практически не может быть двух равных по своему социальному статусу индивидов. Отсюда обязательное уважение к старшим, вышестоящим по должности и руководителям.

Совместимость вышеуказанных конфуцианских установок с требованиями современной НТР очевидна.

Значит, секрет “экономического чуда” разгадан? Конфуцианская этика, оказывается, необходима для быстрого прогресса конца XX века?

Но вот что пишет Макс Вебер о совершенно другом религиозном направлении. В известнейшей работе “Протестантская этика и дух капитализма”, изданной в Германии 1905 году, он отмечает, что один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, – рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания – возникло из духа христианской аскезы. Религиозная аксе́за

представляла в распоряжение буржуазного предпринимателя "... трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих, рассматривающих свою деятельность как угодную Богу цель жизни" [4, с. 202].

Вспомним, что речь идет о периоде бурного становления капитализма в Германии и некоторых других европейских странах в XVII-XVIII в. в. Техника и экономические отношения в них развивались столь стремительно, что вполне можно было бы и эти процессы назвать тоже своеобразным "чудом". Но, по мере развития капитализма, по мнению Вебера, мирские блага все сильнее подчиняют себе людей и завоевывают, наконец, такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В результате протестантская опора капитализма исчезает, вместе с ней уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о "профессиональном долге" бродит по миру, как признак прежних религиозных идей. Стремление к наживе, лишённое своего религиозного подтекста, принимает характер безудержной страсти, порой близкой к спортивной. В результате наступил век механического окостенения "преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость" [4, с. 207].

Итак, в Европе утверждение капитализма носит прогрессивный характер до тех пор, пока подпитывается протестантской этикой, протестантским мировоззрением, сыгравшим здесь роль, сходную с той, которую выполняет конфуцианство в Южной Корее, Сингапуре и других странах во второй половине XX века. Напрашивается заманчивый обобщающий вывод: "экономическое чудо" происходит там и тогда, где и когда капиталистические экономические отношения соединяются с господствующей в обществе определенной религиозной моралью. Но ведь в одном случае речь идет о конфуцианской, а в другом – о протестантской этике.

При углубленном рассмотрении проблемы выясняется, что конфуцианство и протестантство, как религиозные этические системы, представляют народы, сохранившие свою национальную самобытность, не растратившие своей духовности.

В процессе становления и распространения религиозная идея, приспособляющаяся к национальным условиям и особенностям, ассимилирует многие черты быта, традиций, культуры этносов, ее принявших. Поэтому в сознании некоторой части людей не всегда национальное сознание, национальные традиции четко отделяются от религиозных верований и обрядов.

Параллельно в обществе появляются традиции свободомыслия, критического отношения к религиозной догме и культу.

XX век, как известно, очень остро поставил вопрос о том, "кто мы и куда мы идем...". Этот вопрос осмысливается в различных плоскостях: экология окружающей среды, сущность человека и т. д. Ключевой проблемой в этом огромном круге вопросов, на мой взгляд, является проблема духовности. Перед философией встает задача поиска таких элементов культуры, которые смогут способствовать сохранению духовного начала социума. Необходимо осознать, что наряду с религией носителями духовности выступают и традиции.

Традиции представляют собой некий механизм, аккумулирующий и трансформирующий столетиями отшлифованный опыт народа, который является их носителем. Национальные традиции, вплетенные в общественную жизнь, нередко оказываются более стойкими носителями высшего, духовного начала, чем зафиксированные в религиозных установках идеи и принципы.

Поэтому религия, в какой-то мере, выполняет вторичную роль по отношению к ранее существовавшим социальным институтам такого же плана.

Традиции выступают важнейшим элементом духовности, определенным материализованным в поведении элементом национального самосознания.

Исторический опыт выживания, например, крымских татар, который я сама имела возможность наблюдать, показывает, что благодаря внедренным в повседневность устойчивым правилам общественного поведения, устойчивой иерархии жизненных ценностей народ сохранил свою национальную культуру, национальное самосознание, не растворился в иной культуре и

ином социуме. Соблюдение национальных традиций помогает сохранить национальное достоинство, а, следовательно, и личное достоинство человека как представителя нации.

Личность, в свою очередь, не может противиться в одиночку социальному прессингу, выжимающему из него остатки индивидуальной неповторимости, автономности. Выжить, сохранив свой гуманистический потенциал, может только национальное общество. В нем духовное начало защищается целым рядом наработанных веками традиций, обрядов, правил, которые на протяжении многих веков позволили народу сохранить себя в чужеродной среде, противостоять размыванию национального своеобразия, ассимиляции и уничтожению.

Именно традиции, идущие из сокровенных исторических глубин национального самосознания, оказываются фундаментальным капиталом народа, успешно овладевающего современной стадией научно-технического прогресса. Этические нормы, заложенные в них (честность, самоконтроль, дисциплинированность, уважение к старшим, трудолюбие, стремление к овладению новым знанием, осуждением индивидуализма и т. д.), были призваны обеспечить этносу выживание в сложных условиях, устоять перед размывающими фундамент национального самоуважения влияниями и тенденциями. Сегодня, в конце XX века, сложная компьютерная техника, многотысячные трудовые коллективы, необходимость постоянного обновления навыков в условиях экспоненциального роста знаний потребовали тех же качеств.

Община, группа, народность, которой удалось сберечь свои национальные традиции, сохраняет те исходные, гуманистические, гомеостатические природные корни, подлинная роль и ценность которых начинает осознаваться лишь сейчас, на стадии биологического и антропологического кризиса.

Дело в том, что большинство национальных традиций как раз несет в своей сердцевине (вне зависимости от разнообразной фольклорной окраски) идею гармонии с природой и гармоничные (рассчитанные даже на отдаленные последствия) отношения людей друг с другом внутри указанной социальной общности.

Например, взглянем, с этой точки зрения на давнюю традицию крымских татар поддерживать теплые отношения даже с отдаленными родственниками.

Известно, что в некоторых скандинавских племенах было правилом помнить свою родословную в седьмом, десятом колене и даже в более глубоких корнях.

Крымские татары отслеживают своих родственников не столько по временной вертикали, а, так сказать, по горизонтали. На свадьбы, дни рождения, похороны обязательно приглашаются дяди и более близких людей. С ними же поддерживаются и периодические дружеские контакты.

В результате образуется общность, которую разумно назвать “большой семьей” (в отличие от “малой семьи”, где, кстати, у крымских татар бывает до 30-40 человек). Большая же семья – это может быть 300 и более дальних родственников.

Существование большой семьи играет буквально роль спасательного круга, как в случаях чрезвычайных ситуаций, так и в ряде затруднительных положений, которые нередки в обычной жизни.

Типичным для крымских татар является пример из послевоенных лет, когда вернувшийся с войны герой-солдат разыскивает всех своих родственников, которых разбросала судьба, и становится надеждой и опорой для племянников-сирот и сестры-вдовы.

Большая семья, таким образом, играет несколько социальных ролей:

1) роль “референтной группы” для молодых людей и подростков;

Общеизвестно, что в 13-14 лет молодые люди переживают возрастной кризис, когда мать и отец перестают быть авторитетами. Детям кажется, что они уже умные и опытные. Отец и мать безнадежно отстали и т. д. Малая семья перестает играть роль референтной группы и в поисках их замены подросток ищет авторитеты среди ровесников. Нередко это приводит к трагическим последствиям.

2) роль “вече” или “мушавере” в поворотных моментах жизни;

Когда нужно решить, достойна ли молодая девушка войти женой в семью, стоит ли переселяться в другую местность, как реагировать на нанесенную кровную обиду, “большая семья” играет роль коллективного разума. Чаще всего решающее слово принадлежит умудренным жизненным опытом людям.

В результате, во-первых, человек не оказывается один на один со своими проблемами.

А, во-вторых, в результате обсуждения, т. е. мушавере, находится, как правило, самое разумное решение.

Некоторые другие функции “большой семьи” я только перечислю:

- материальная поддержка, играющая существенную роль для молодых семей, не имеющих богатых родителей;
- нравственная поддержка в нередко трагических обстоятельствах;
- воспитание детей, оставшихся без родителей;
- поддержка престарелых, а в результате – отсутствие “бездомной старости, брошенных стариков” и т. д.

Уже указанное позволяет сделать вывод о том, что “традиция большой семьи”, во-первых, заслуживает сохранения там, где она существовала, а, во-вторых, социологам и психологам стоит подумать, как возродить эту традицию там, где она разрушена.

Второй пример традиции крымских татар, имеющий также общечеловеческий смысл, является традиция добрососедства.

В нашей культуре отношениям с соседями придается очень большое значение. “Не покупай дом, а покупай соседа” – говорят старики. Кстати, не только крымские татары, но и многие национальные сообщества придерживаются этого мнения.

Традиция добрососедства, т. е. добрых, надежных и бережных отношений с живущими рядом людьми, своими корнями уходит в глубину веков. Доброжелательные отношения обеспечивали народам, живущим на территории Крыма, мирное сосуществование.

Крымские татары принадлежат к тем народам, которые и сегодня бережно относятся к традиции добрососедства, хотя имеются уже случаи нарушения нормы. В этом случае приходится либо приносить свои извинения, либо менять место жительства, т. к. семья, нарушившая правила общежития, оказывается изолированной. Ей отказывают в общении и поддержке.

Необходимо отметить, что добрососедские отношения выходят за рамки данного этноса. Где бы ни пришлось жить крымскому татарину, в Средней Азии или же на новых самостроях Крыма, везде, по обычаю предков, он старается, как правило, установить отношения, в основе которых лежат добрые чувства, обеспечивающие мирное сосуществование с соседями, независимо от того, какую нацию они представляют.

Традиция добрососедства, являясь важным социальным механизмом, поддерживающим целостность народа, выполняет также другие важные функции:

- регуляция отношений живущих рядом людей;
- взаимопомощь и взаимовыручка;
- воспитание доброжелательности и общительности у детей, включенных в повседневную систему отношений с другими людьми.

Обратим внимание, что “традиция добрососедства” продолжает и развивает идею “большой семьи”, но уже преодолевая и родовые, и национальные барьеры.

Еще об одном. Издревле в местах компактного проживания крымских татар функционировал социальный институт – джемаатчылык (общественный совет). Среди соседей выбираются несколько уважаемых людей, которые отличаются своей высокой нравственностью и эрудицией. Они приглашаются для разрешения возможных конфликтов (ссора между соседями, избивание жены, поступок сына, не соответствующий правилам общежития, и т. д.). “Джемаат” выносит свое решение путем мушавере (согласования), и нарушитель нормы обязан его выполнить во что бы то ни стало.

Например, совсем недавно у уважаемого всеми человека сын с компанией совершил плохой поступок. Можно было его наказать дома, или даже вызвать милиционера. Но отец поступил по-другому. Он обратился к джемаату, и те решили так: семнадцатилетних мальчишек поставили к столбу в центре поселка, и в течение целого дня все жители видели и обсуждали их. Я уверена, что такое наказание окажет воздействие на молодых людей гораздо более глубокое, чем порка или даже тюрьма.

Влияние уважаемых, почтенных людей на социальную жизнь группы вообще специально поддерживается традиционным обществом. Не случайно И. Гаспринский [5, 33] пишет: “Было время, когда отношения человеческих индивидуумов не знало иного регулятора, кроме грубой силы, но ныне, слава Богу, немалую роль в этом отношении играют правда и совесть. Мы надеемся на таковой же прогресс в области государственной, общественной жизни, когда так сказать, общественная совесть подымается до уровня развития отдельных индивидуумов” (подч. мной- Л. Б.)

К сожалению, надежды Гаспринского пока не сбылись. Безукоризненные в духовном и нравственном отношении люди и поныне редко определяют социальную атмосферу государства. А средства массовой информации (теле, радио, аудио и пр.) все больше размывают представления о человеческом идеале, образце для подражания, утверждая в качестве героев разбойников, убийц, воров и проституток.

Традиции, о которых мы говорили, тоже не везде соблюдаются сегодня. Этому, конечно, есть объяснение: “... прервалась связь времен”.

Значит, современный человек обречен на разрыв с прежними традициями, в том числе и национальными? Многие социологи говорят о размывании границ как государственных, так и родовых, о “человеке Земли” как будущем жителе XXI века. Возражая им, Г. Гачев пишет: “Современный человек более национально своеобразен, чем его предок” [6, с. 49], он является живым носителем идей, интересов и ценностей нации.

Данная точка зрения мне представляется значительно более глубокой и перспективной, чем предшествующая.

Гуманизм и естественную природу человека нельзя сбросить, не сохраняя его историческую память. Учитывая и изучая основополагающие национальные традиции, мы лучше понимаем не только прошлое, но и настоящее и будущее. Управление современным научно-техническим прогрессом требует такой дистанции между мастером и его творением, которое делает невозможным подчинение личности вещию.

Сегодняшняя ситуация, между тем, напоминает описанные Фрэзером древнеримские Сатурнами [7], когда господа менялись местами со своими рабами и прислуживали им за столом.

Молох индустриализации не способен поглотить человека тогда, когда он связан прочной духовной нитью со своим народом, со всем человеческим сообществом и, согласно глубинной сущности фундаментальных традиционных представлений, со всем живым на Земле.

Примечания:

1. Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии.– 1992.– № 12.– С. 21 – 28.
2. Ким Ю. Южная Корея: чудо без чудес // Звезда Востока.– 1990.– № 10.– С. 39 – 43.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.– М.: Гидрометиздат, 1990.– 221 с.
4. Вебер М. Избранные произведения.– М.: Прогресс, 1990.– 586 с.
5. Гаспринский И. Из наследия.– Симферополь: Таврия, 1991.– 64 с.
6. Гачев Г. Национальные образы мира.– М., 1988.
7. Фрэзер Д. Золотая ветвь.– М.: Из-во полит. лит-ры, 1986.